

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ
ВАМБЕРИ

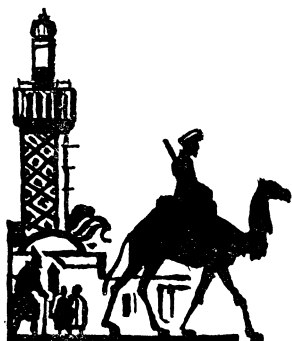

Путешествия Приключения Фантастика

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ВАМБЕРИ

ПОВЕСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1957

АННОТАЦИЯ

О знаменитом венгерском путешественнике, этнографе и лингвисте Вамбери (1832—1913) писали, что жизнь его похожа на сказку — столь невероятны были приключения, сопровождавшие его в путешествиях, столь тернист был весь его жизненный путь.

В 60-х годах прошлого века Вамбери под видом дервиша проник в Среднюю Азию и Персию. Итогом его путешествий и исследований явились книги с описанием странствий по Востоку и труды по тюркской и угро-финской лексикографии.

О жизни и путешествиях Вамбери рассказывается в этой маленькой повести.

Художник *Г. В. ХРАПАК*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Незнатный серый воробей
Учился сам летать.
От себя и к себе, от себя и к себе
Он крыльями начал махать.
И так он махал, и так он хотел
Лететь и видеть свет,
Что не заметил, как взлетел
И прозевал обед.
Он всюду был, он был везде,
На что ему обед,
Когда он видел всех людей
И всем кричал привет.

I

О БЫЛ маленький, хромой еврейский мальчик. Звали его Герман Вамбери. Семья его ютилась в глухом венгерском городке. Вокруг городка лежали болота, а в доме Вамбери во все окна и двери стучала нищета. Чтобы не умереть с голоду, нужно было работать всем — взрослым и малышам.

Работу давали окружавшие городок болота. В них водились длинные и толстые пиявки. На этих маленьких чудовищ был большой спрос в те времена. Их ставили больным, и они высасывали больную кровь. Их охотно покупали в аптеках. Они требовались во множестве. Семья Вамбери продавала пиявок и кормилась этим.

Каждое утро Вамбери, его братья и сестры собирались у большого стола, на котором копошились груды пиявок.

Мальчик отбирал их по длине и толщине, очищал от слизи и купал в свежей воде. Разобрав, выкупав и разложив

пиявок по холщовым мешкам, дети мыли руки и шли обедать, Мать подавала большой горшок с горячим, рассыпчатым картофелем.

— А что будет еще, мама? — спрашивали дети.

— Съешьте это, а на второе будет еще картофель, — отвечала мать, — его сегодня много.

Но не всегда она отвечала так. Иногда ни куска хлеба и ни одной картофелины не было в доме.

Заглядывать в кухню было бесполезно. Плита не топилась. Тогда дети бежали из дому на городской пустырь.

Там, на смятой траве среди косых кустов и мусорных куч толпился самый вольный и рваный народ: цыгане с огромными пуговицами, скреплявшими их лохмотья, нищие, безработные, ремесленники и просто бродяги.

Тряпичники продавали свои находки: бутылки, сломанные чашки, лампы, гребенки. Фокусники из прогоревших цирков глотали горящую паклю и ходили колесом.

Цыганки гадали на картах и плясали, звеня широкими поясами из медных колец.

У шарманщиков прыгали на ящиках зеленые попугаи и просили сахара. Дети хохотали и дразнили их.

На пустыре было тесно от людей.

Босой Вамбери, подпрыгивая со своим костылем, пробирался между ними и просил у этого сброда чего-нибудь поесть. Ему давали со смехом или с издевкой. Ему кидали куски хлеба, остатки колбасы, лепешки.

Раз к нему подошел худой старик-инвалид, седой и одноногий. Они сели на жесткий желтый камень и разговаривали.

Малый и старый были оба в лохмотьях и оба калеки. Их глаза встретились.

— Ну, что? — сказал старик. — Эх, брат, что же ты будешь в жизни делать? Смолоду на одной ноге скачешь. Кем же ты хочешь быть?

— Я часто хожу сюда, — отвечал мальчик, — здесь много людей, и все они говорят по-разному. И многие говорят так, что я их не понимаю. Я хочу знать все языки, я хочу всех понимать, кто бы что ни говорил.

Инвалид отодвинулся от него с удивлением.

— Хо, хо, клоп, — посмотрите на него: он хочет знать все языки — это недурно.

Старик закашлялся и встал, качая головой.

Вечером Вамбери снова мыл пиявок, сжимая их двумя пальцами, и потом сажал их в мешки.

Спали дети на полу в ряд. Под рваным одеялом они скатывались в комок и прижимались друг к другу, чтобы согреться.

Почти каждой ночью кто-нибудь из них просыпался и кричал:

— Пиявка! Пиявка!

Все шумели, искали свет — вспыхивал огонь и освещал ногу или руку, на которой примостилась пиявка, удравшая из мешка. Беглянку, а то и трех-четырёх сразу ловили и водворяли на место.

...За городком поля стали серыми, гуси не шлепали по лужам, а гоготали у ворот, деревья сделались больными и тонкими — пришла осень.

Вамбери отвели в школу, и он сидел вместе с другими мальчиками и заучивал букву за буквой. На ночь мать клала под его подушку учебники.

— Это нужно, Герман, — говорила она, — чтобы знание само проходило через подушку тебе в голову.

Вамбери учился с таким жаром и радостью, как будто у него было четыре руки, чтобы писать, и две головы, чтобы запоминать.

Но бедность, стучавшая в окна, вошла теперь в дом.

Снег лежал на крышах, а в печи не было дров. Мальчик бежал в школу, засунув руки в карманы, грея их горячим картофелем, занятым у соседей.

Сестра Вамбери поступила прислугой к старой чиновнице на другом конце городка.

Мать отвела Вамбери к одной знакомой женщине. Это была портниха. Она должна была выучить его шитью.

Вамбери сидел в неудобной комнате, засыпанной обрезками материй и наполненной лязгом ножниц и шорохом разрываемых тканей.

Иголка колола ему руки, а нитка непослушно убегала. Хромая нога мешала свободно двигаться, а руки не умели резать правильно.

Над ним издевались и били по рукам аршином. Он плакал по ночам и вытаскивал из угла учебники. Но школа была далеко. В праздники он бежал к матери и жаловался.

Но дома сидели братья, худые как зайцы, и дрожали от холода, и мать говорила ему:

— Потерпи еще, милый, потерпи хоть до весны, а там увидим.

И весной Вамбери положил ножницы и иголку и сказал портнихе:

— Я больше не буду шить. Я еду учиться.

Рыжая портниха от изумления уронила наперсток и подушку с булавками, а мальчик встал и ушел.

III

По длинным дорогам большие, сильные быки и лошади везут возы с сеном, с дровами, с углем и с соломой.

Долго ехали Вамбери с матерью через низенькие, бедные деревушки, рощи и леса, луга и речки, пока не приехали к шлагбауму города Ниека у подножья лесистых, всклокоченных гор.

Темные своды школы, которая содержалась монахами-пиеристами, поглотили Вамбери.

Перед тем как отвести Вамбери в их школу, его мать выдержала большой бой со своими знакомыми.

— Он знает библию, — говорили они, — в библии есть все. Зачем учить тому, чего в ней нет? Это только погубит мальчика. Пусть он лучше станет сапожником — это богатое ремесло.

Но она настояла на своем:

— Мне очень тяжело отдать его чужим людям, но мой сын имеет хорошую голову. Для этой головы библии мало. Пусть он учится всему, что знают люди.

И Вамбери учился в монастырской школе.

Первый год ученья прошел как ветер по роще — неожиданно и быстро. Латынь звенела в ушах мальчика с утра до вечера, мороз на улице щипал его за нос, но сытный обед был редким гостем в его желудке, по ночам ему снилось, что он странствует по диким странам и говорит на неведомых языках. Он просыпался в поту и вскакивал. Спал он, где придется — у разных случайных благотворителей на мешках в передней или где-нибудь за плитой в кухне.

Зато, когда он увидел в первые каникулы ивы своего родного городка, он торжественно показал им, развернув

так, чтобы видел весь пустырь, свой похвальный лист, где было написано золотыми буквами его имя.

— Золотом, вы понимаете, совсем золотом, посмотрите, — хвасталась его листом мать, показывая соседкам.

И все удивлялись. Такой маленький и такой умный...

Ее материнское сердце кипело от радости. А Вамбери говорил:

— Это еще не много, мама. Я должен знать все, все...

С первыми полосами сентябрьских дождей костыль Вамбери снова застучал по коридорам монастырской школы.

Толстый новый преподаватель позвал его к себе и оглядел с головы до ног; потом презрительно спросил:

— Ты еврей, Вамбери?

— Да, — ответил мальчик, смотря ему в глаза.

— Скажи мне, Мошеле, зачем тебе учиться? Не лучше ли тебе стать резником и продавать мясо?

Вамбери звали не Мошеле, и он вспыхнул, но вспомнил сейчас же ножницы и иглы портнихи, голодных братишек, старый согнувшийся их домишко, и мать с заплаканными глазами, и ночи, отданные книгам.

— Учитель, — ответил он, — я нищ и мал. Я буду слушать вас, как отца. Но я не хочу быть мясником!

Монах усмехнулся и сказал:

— Хорошо, я верю, иди в класс.

IV

Этот год упал на мальчика как черное облако. Знакомые его, у которых он получал обед и ночлег, разъехались из города. Карман Вамбери не знал, что такое деньги. Мальчишки на улице хватили его за костыль, подставляли подножки, бросали камнями в спину, кричали:

— Урод, трус, калека!

Он шел и дрожал от ярости.

Горбун-шапочник дал ему угол в своем чулане. Но есть было нечего. Тогда он попросил в школе работы. Ему сказали:

— Приходи по утрам до уроков чистить учителям сапоги и платье.

Едва зимнее солнце начинало трогать окна, Вамбери уже сидел с сапогом в руке у печки в большом школьном

коридоре и одним глазом следил за щеткой, бегавшей по сапогу, а другим глядел в книгу.

Печка сделалась его другом. Она грела и успокаивала его. А потом в нее всегда можно было бросить полдюжины картофелин, случайно сохраненных от вчерашнего дня.

Кроме печки, его верными товарищами были книги. Зачитываясь, он забывал голод.

Однажды весной школьники дурачились и играли во дворе. Листья яблонь летели им навстречу. Воробьи прыгали по забору.

Веселье кружило мальчикам руки и ноги.

— А ну, Вамбери, — подзадоривал один из них, — побегим, ну, побегим, кто скорее.

— Куда ему, — кричали другие, — он на трех ногах, он вас всех сразу обгонит.

Вамбери побледнел от гнева и вскочил. И он бежал вместе со всеми. Но они далеко обогнали его и, столпившись на другом конце двора, показывали ему языки и строили носы.

Он стоял одиноко, запыхавшись от усилий. Мальчики смеялись.

Тогда он отвернулся и пошел прочь от школы и от своих мучителей. В этом городе было одно место, куда он ходил плакать, когда ему было тяжело. Это была могила его отца. Туда он пришел и теперь.

На могиле он сел и оглядел себя. Рваная куртка одевала его плечи, костыль протер ее, и подмышкой зияла дыра. Из одного сапога торчали пальцы. Морщины выросли на маленьком лбу после этого осмотра.

— А, проклятый, — сказал он, хмурясь, дергая костыль из-под руки, — ты долго еще будешь делать меня посмешищем? Кто сильнее — я или ты, сейчас увидим. Отец, отец, будь свидетелем!

И Вамбери ударил изо всех сил костылем по дереву, росшему на могиле. Костыль с треском переломился и упал.

Опираясь на палку, ступая с болью, Вамбери пришел домой и собрал свои книги. Собрав, он завернул их в одеяло. Больше вещей у него не было.

— Куда ты? — спросил шапочник.

— Я уйду, — сказал он, — здесь мне больше нечему учиться. Я пойду дальше.

V

Старый и мрачный город Пресбург впустил Вамбери в свои холодные, как пещеры, улицы.

Он долго ходил от дома к дому, и ему казалось, что дома отворачиваются от него, а лавки играют в прятки, — так неожиданно выскакивали перед ним окна, в которых лежали колбасы, окорока, сладкие пироги и конфеты.

Люди бежали вокруг, но никто не хотел взглянуть на него. Никому не было дела до хромого мальчика.

Он был чужим в этом большом и мрачном городе.

Вамбери остановился на одном углу. Над ним качалась вывеска: обеды. Он вошел. Человек с синим шрамом на подбородке спросил, что ему нужно.

— Я хочу есть, — сказал Вамбери.

— Здесь едят только те, кто может заплатить за съеденное, — ответил ему хозяин, — а кто ты такой?

— Я приехал учиться, но могу и учить...

— Ну, ну, — сказал хозяин, — у меня есть оболтус сын, которого следовало бы подучить.

— Что же, — сказал Вамбери, — я готов. Я могу показать свое свидетельство.

И он показал его.

И Вамбери получил ученика и одну половину складной кровати у господина Леви — так звали хозяина столовой.

Еду он должен был добывать сам. Он садился с книгой в углу столовой и наблюдал за обедавшими. Это были бедные и тихие люди, такие же, как и он. Они платили медными монетами за жидкие супы и жесткое мясо. Вамбери подбирал остатки от кушаний. Иногда ему протягивали и целый кусок. Потом он опять уходил в угол и раскрывал французскую грамматику. Он уже знал языки — латинский, немецкий, венгерский, еврейский.

Теперь его страстью был французский язык. Он заговаривал по-французски со всеми толкаясь по улицам — с крестьянином, идущим в погребок, с кухаркой, продающей молоко, с немцем, часовым мастером, с собаками, сидевшими у дверей.

У него было дикое произношение и честное упорство.

Его ученик блистал совершенным невежеством. В тусклый вечер, когда Леви, подсчитав кассу, пришел в комнату к Вамбери, мальчик раздевался, чтобы лечь спать.

— Погоди, — сказал Леви, — мой сын сказал, что у тебя появилась сыпь. Что это такое?

— Это, вероятно, лихорадка, — отвечал Вамбери, — не больше.

— Ну, ну, — сказал Леви, — повернись-ка к свету. Эге, а тебе придется, паренек, убраться отсюда. Таких мне не надо! Ты еще перезаразишь весь дом.

Вамбери встал, чувствуя, что удушье схватывает его за горло.

— Ничего, мы сейчас сосчитаемся. За три обеда, что ты мне должен, можешь не платить. Я оставлю у себя твою подушку и одеяло. А теперь иди — я тебя не держу.

Вамбери исходил все бульвары и переулки: он был отверженным и не мог постучать ни в одну дверь, он не мог показаться ни одному человеку.

Мрачный, чужой город окружал его.

Тогда он сел на скамью в глухом углу улицы. Но и тут раздались шаги ночного сторожа. Мальчик залез под скамейку в кусты, лег на землю и свернулся клубком.

— Ничего, — говорил он себе, — крепись, Вамбери!

И он на память читал про себя стихи по-латыни и по-французски, пока не уснул.

VI

Наутро он пришел в монастырскую больницу и постучал в железную дверь. Его впустили и уложили на жесткую, скрипучую кровать.

Книг он не отдал. Он положил их под изголовье и только тогда успокоился.

Желтая дверь выпустила его обратно только через две недели. К нему на улице подошел тонкий, как гвоздь, старик с кусками белой щетины на скулах. Он видел, что Вамбери объясняется с водосточной трубой по-французски, и спросил:

— Ты хочешь работать, мальчик?

Очевидно, он принял его за помешанного.

— Еще бы!

Вамбери даже припрыгнул на одной ноге.

— Идем со мной в таком случае.

И старик, который занимался ростовщицеством, привел его в свою квартиру. То была холодная, низкая комната

с большим сундуком и двумя черными шкафами. К ней сбоку примыкала прихожая, где лежали остатки ковра и пустые бутылки. Это было все.

— Что ты знаешь? — испытующе спросил старик.

— Я знаю пять языков.

— Это меня не касается. А сколько тебе лет?

— Четырнадцать, — отвечал Вамбери.

— А ну, скажи что-нибудь по-немецки.

Вамбери сказал.

— А ну, скажи что-нибудь по-латыни.

Вамбери сказал.

— Ты не совсем дурак, как кажется, — сказал старик, — ну, так слушай: я стар, и мне трудно готовить себе обед и подметать комнату, а потом меня могут ограбить, так как я не держу собаки. Если ты будешь смотреть за мной и охранять квартиру, этот ковер к твоим услугам, — и он жестом султана, дарящего гостю провинцию, указал Вамбери на остатки ковра в углу прихожей, — ну, и кое-какой кусок хлеба тебе обеспечен.

— Хорошо, — согласился Вамбери, — я буду служить вам за слугу и за собаку.

Но старик даже крошки не оставлял подчас после себя на тарелке, и Вамбери мстил ему тем же. Он забывал заводить ему часы, чистить комнату и спал ночью так, что его хозяина могли сто раз пронести разбойники туда и обратно, и Вамбери не проснулся бы.

VII

Шел 1848 год. Стены тихого Пресбурга затряслись от грохота пушек. Венгрия восстала против угнетателей-австрийцев. Огонь войны перекидывался с кровли крестьянской хаты на крыши замков и стены крепостей. Вена свергла императора. Студенты и рабочие укрепляли город. Битвы перекатывались по краю. Венгерские революционеры собирали отряды.

На помощь разбитым австрийцам русский царь прислал войска. Пики казаков и серые шинели гвардии встали бок о бок с кровавыми плащами имперцев.

Борьба стала неравной. Начались казни. Трупы висели на площадях, и грохот барабанов заглушал вопли разоренных семейств.

Вамбери ненавидел насилие. Он бегал по улицам и на всех языках ругал австрийцев палачами. Тогда его стала ловить полиция.

Вамбери должен был бежать из Пресбурга.

В поле у Дуная он встретил несколько венгерских солдат, спасшихся от плена.

Они были запылены, и поражение читалось на их лицах.

— Все кончено, — говорили они, — будем ложиться и умирать. Пропадай наша свобода!

Тогда поднялся один старый пастух и прохрипел им шатающимся от старости голосом:

— Стойте, дети! Всегда, когда с нами беда, приходят нам на помощь старые мадьяры из Азии: ведь мы их братья — будьте спокойны, они и теперь нас не забудут.

Это было откровением, которое поразило Вамбери. Его всегда тянуло на Восток. Ему всегда снились пустыни и пальмы. Не там ли он найдет многое множество языков и племен? Там он научится понимать всех, на каком бы языке ни говорил человек. Там он найдет этих старых мадьяр из Азии.

И он ушел потрясенный.

Когда звезды встали над его головой, он сел у канавы при дороге и дал слово, что больше не будет толкаться в учебные заведения. Судьба загнала его в Будапешт. Тогда еще он назывался просто Пешт.

VIII

Самое грязное и самое шумное кафе в Пеште — кафе Орчи. Там собираются приехавшие из провинции кулаки и фермеры. Там стояла особая скамейка. На эту скамейку, как невольники, садились учителя, ждавшие, чтобы их наняли куда-нибудь в отъезд.

Много раз сидел на этой скамейке Вамбери, много раз уходил он с нее и возвращался снова. Тюки оскорблений перетаскали его молодые плечи, но иногда он выручал и деньги.

Тогда была передышка. Он покупал себе потрепанные брюки и даже раза два ходил в театр.

Учение он не прекращал ни на минуту. Он учился языкам днем и ночью, в поле, в сарае — везде, где можно было раскрыть книгу и положить бумагу. Он заучивал по сто слов в день. Как самоучка он коверкал слова, при-

ходило их переучивать снова, — он переучивал по два, по три раза.

Он читал Пушкина по-русски, Андерсена — по-датски, Данте — по-итальянски, Хайяма — по-персидски, Сервантеса — по-испански.

При таком терпении ничто ему не было трудно. Слова чужих стран входили в его голову как бы играя. Он забавлялся их пестротой и музыкой. Он видел их, как видят картины или статуи. Они прыгали перед ним, и каждое означало что-нибудь новое, еще неизвестное ему.

Если ему удавалось ненадолго получить себе комнату, он увешивал ее плакатами, на которых писал кратко по-турецки или по-персидски, чтобы никто не мог прочесть: «Работай, всегда работай, будь настойчив — стыдись!»

Он сам задавал себе уроки и, если не приготавливал их к сроку, оставлял себя без обеда.

Но жить становилось все труднее. Люди вокруг него жили в тяжелой, безвыходной нищете. Он решил ехать на Восток.

Деньги не любили его. Ему удалось в Вене достать угол на улице Трех Барабанов, где он переходил с хлеба на воду и худел, как котенок.

Квартирная хозяйка благоволила к нему. Иногда она приходила и становилась перед ним с заложенными за спину руками и тихими овечьими глазами смотрела на него.

— Когда вы встанете на ноги, Вамбери? — спрашивала она.

— Я уже стою на них, — отвечал он, — и ничто не сможет меня сбить с них.

Он вспомнил сломанный свой костыль и улыбнулся.

— А это что у вас? — допытывалась она, заглядывая в тетрадь, испещренную заметками в клетках.

— Я отмечаю всякий день, дорогая фрау Шенфильд, все, что я должен сделать. Если я не сделаю в течение месяца всего, что я должен сделать, я 1-го числа объявляю себе выговор.

— Вы странный человек, Вамбери, — говорила хозяйка и уходила, недоумевая.

И снова шатался Вамбери всюду, собирая гроши на жизнь, и много людей, как песок, пропустил он сквозь свои руки. Время шло.

Однажды весной он вошел к фрау Шенфильд. Она обрадовалась ему и хотела угостить его кофе, но он отказался.

— Вы торопитесь, Вамбери? — спросила она. — Может быть, приехала ваша матушка?

— Она давно умерла, фрау Шенфильд.

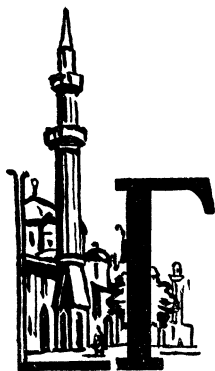
— Тогда вы, может быть, спешите к своей невесте? — спросила она с улыбкой.

— Нет, — отвечал Вамбери, — я еду в Турцию, в Константинополь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда тоскует конь,
Он бьет копытом пол —
Он непонятно зол,
Но ты коня не тронь,
Но ты коня не бей,
А выведи на луг.
А ты возьми седло
И выбери страну,
Дай шпоры скакуну —
Увидишь, что болезнь,
Что всю болезнь его
Как ветром унесло.

I

ГОРОМАДНЫМ, многоцветным лагерем раскинулся Константинополь. На холмах подымались похожие на шатры мечети. Как копыта, в небо торчали белые минареты.

Ржание вьючных животных наполняло улицы. Их было так много, что казалось, будто вся страна куда-то переселяется.

Рядом с толстыми, раззолоченными людьми жили голые грязноволосые нищие, покрытые рубцами и ранами. У ног прохожих дымились жаровни.

Проходили красные, как раки, и синие, как павлины, солдаты. Дворцы султана были отгорожены от всех золочеными решетками. По зеленой воде Босфора бежали, обгоняя друг друга, остроносые лодки. Под их веслами в прозрачной воде играли диковинные рыбы.

Стук копыт, крики торговцев, приветствия и брань оглушали новичка.

В маленькой прохладной кофейне сидели греки, турки, арабы и персы.

На возвышение поднялся худой, смуглый, хромо́й человек. Наступила тишина. Не слышно было даже шороха передаваемых наргиле* и чашек.

Человек читал нараспев с гортанными ударами отрывки «Ашик-Гариба» («Влюбленный иностранец»).

Слушатели вскрикивали от удивления и восхищения.

— Кто это? — спрашивали они хозяина, — кто это?

И тогда хозяин кофейни говорил с улыбкой:

— Это один венгерец, он только что приехал в Стамбул и уже говорит по-нашему, как эфенди. Это не человек, а чудо.

Вамбери кончил стихи. Ему поднесли кебаба и пастирмы (жареного и копченого мяса).

Вамбери съел и ушел в соседнюю кофейню. Он жил, как хромая, смуглая птица, перелетая из одной улицы в другую, с базара на базар, и, так же как птица, зарабатывал себе на хлеб пением.

Потом он шел к венгерцу Песпеки, своему другу, в разрушенный домишко, на пустырь. У них на двоих был один ободраный диван.

— Одна половина ваша, — предложил ему Песпеки, — другая моя. Это называется царьградской роскошью.

— Но здесь очень холодно, — сказал Вамбери, — нет ли у вас какого-нибудь старого тряпья?

Песпеки с грустной улыбкой вытащил из угла большое пыльное знамя.

— Накройтесь этим, это вас наверно согреет. Под этим знаменем мы дрались за свободу Венгрии... Больше у меня ничего нет.

Но знамя, согревавшее когда-то сердца, больше не грело. Оно уже стало простым куском материи.

С первыми лучами солнца Вамбери вскакивал и шел в город. Здесь перед ним лежал Восток, и он был нужен этому Востоку.

Слава об иностранце, говорящем по-турецки лучше турка, облетела город. С ним искали знакомства. Вамбери зазывали к себе чиновники и паши, чтобы у него учиться языкам Европы.

Прошло четыре года.

---

* Наргиле — восточный курительный прибор.

Казалось, колесо судьбы круто повернулось. Из худого, скромного молодого человека Вамбери превратился за это время в здорового, сытого турка. С ним говорили писатели и министры.

Мидхат-паша, всесильный зять султана, рассуждал с ним о падении Ислама, о происках французов и англичан, об истории Турции. За его знание турецкого языка и турецкого быта он дал ему имя Решад-эфенди, что значит «верный».

— Почему вы не хотите поступить к нам на службу? — спрашивали его.

— Не для этого я боролся, чтобы после десяти лет голода и холода, обладая знанием десяти языков, засесть в кабинет чиновником. Я не могу принять службу султана — я состою на службе у человечества. С каждой новой главой о Турции я вписываю главу в историю человечества. Я привык бегать, и от сидения у меня затекают ноги. А потом я еще не видал Востока...

Турки качали головами и говорили, что он лукавей шайтана.

II

Однажды он шел по берегу Босфора через высокую зеленую рощу. Под деревьями сидел старый турок и сжимал в одной руке трубку с опиумом, а в другой держал чашку с кофе, размахивая ею по воздуху, чтобы охладить.

За деревьями прятались уличные мальчишки, следя за ним с хохотом.

Турок накурился опиума так, что ничего не понимал. Мальчишки подбирались к нему, втыкали в чашку длинные соломинки и высасывали кофе.

Живой скелет смотрел в чашку, убеждался, что она пуста, и, думая, что он выпил ее, кричал слуге:

— Кафеджи, дольдур (подлей еще)!

Ему подливали, а мальчишки снова высасывали кофе через соломинку.

И Вамбери понял, что вся Турция такова. Опьяненная смутными ядами прошлого, она спит и не видит, кто за нее пьет ее кофе.

Ему стало грустно. Он окинул мыслью весь Стамбул. Он видел десятки богачей, у ног которых влачили жизнь тысячи бедняков. Нищета и рабство были хозяевами Стамбула. Чашка кофе или трубка опия — и день прошел.

Кто-то сказал над его ухом арабскую пословицу:

— Все несчастья в жизни от желудка...

Перед ним стоял лохматый человек в рубчатой чалме. Четки целыми рядами обвивали его шею, а глаза блестели, как куски меди.

— Кто ты? — спросил его Вамбери.

— Я дервиш, эфенди, — ответил он, — я был в Бухаре, Самарканде, в Мешхеде и Куте. Я был всюду, где лежит тень плаща пророка. Там, где ни разу не ступала нога неверного.

И он прошел мимо, повторяя арабскую пословицу:

— Все несчастья в жизни от желудка!..

Вамбери долго не ложился спать в эту ночь.

— Так я буду там, — сказал он себе, — я буду там, где не ступала нога европейца. На зло всему Исламу и всем дервишам я приду в те места и взгляну своими глазами, чтобы знать, что это такое.

Через месяц пароход «Прогресс» вез Вамбери в Трапезунд, город на Черном море, откуда можно караванным путем попасть в Персию.

III

Вамбери высадился в Трапезунде. Он пересек страну курдов, где высокие дикари, нищие и храбрые, хвалятся конями и оружием.

Нападая на караван, они стреляли с коня, и так метко, что могли отстрелить пуговицу, не задев всадника.

Вамбери проехал желтый Тавриз, где на базарах галдят четыре страны света, проехал голубое Урмийское озеро, Казвин, похожий издали на свадебный шоколадный торт, и приближался к Тегерану.

Ему было не по себе. Он думал, что Восток — это земной рай, где под пальмами живут красивые и веселые народы, а здесь перед ним лежала или соленая пустыня, или пустыня без соли. Развалины городов и каналы, полуобвалившиеся и запущенные, походили на кладбище. Башни и крепости торчали как досадные придатки к скалам.

Персы, между которыми он жил это время, постоянно осыпали его ругательствами, так как он выдавал себя за турка. Они были шииты и к туркам-суннитам питали нестерпимую вражду.

Даже на его осла как на суннитское животное сыпались удары бичей.

Рядом с Вамбери постоянно шел злой фанатик в смушковой шапке, длинном халате и в зеленых туфлях и кричал, точно ему платили золотом за этот крик:

— Ты думаешь, эфенди, что Омар, этот паршивый пес, эта дьявольская скотина, эта вонючая гадина, не поступил вероломно? Отвечай сейчас же!

Вамбери мог бы ответить персу: «Друг мой, я не заинтересован в этом, ты можешь успокоиться»...

Но этот ответ был бы равносильен объявлению войны. Его убили бы, приняв за дьявола. Вокруг были темные и бешеные люди. Многие из них никогда не видали европейца.

И Вамбери делал строгое лицо и спорил как суннит, спорил как турок, спорил до седьмого пота. Он изучил в Стамбуле все штуки мулл, и его трудно было заподозрить в обмане.

Так было на каждой остановке, на каждом перекрестке, на каждом ночлеге.

Наконец, он увидал ряды тополей и фруктовые сады. Между ними белело что-то большое и бесформенное. Это был Тегеран.

Вамбери загорел и закалился. Его звали Решад-эфенди. Вся его прошлая жизнь, казалось, была отрублена от него. У него завелись новые друзья.

В прекрасные синие ночи Тегерана он пил с ними, читал им стихи Омар Хайяма и Гафиза.

Красное вино — хуллари — темнело в их бокалах. Звучали непрерывные тосты. Они придумывались тут же, на лету.

— Пью за избивателя караванов! — кричали одни.

И все пили за избивателя караванов.

— Пью за Бинат-уль-Нааша (дочь мертвеца)! — кричал другой.

И все пили за Большую и Малую Медведицу, называемую в Персии дочерью мертвеца.

Так пили всю ночь под синим небом Персии.

Потом кричали совы и лаяли собаки предутренним лаем. Звезды бледнели и уходили с неба. Тогда шли спать.

IV

Вамбери пришел к своему приятелю, турецкому послу в Тегеране, Гайдар-эфенди, и развернул перед ним картину.

— Что хочет сказать мой друг? — турок посмотрел вопросительно.

Он сам был человек свободный, без предрассудков и уважал Вамбери.

— Немного внимания, господин, — сказал Вамбери, — взгляните сюда: вот здесь лежит Бухара, а здесь — Хива, там, где тянется великая водяная жила, называемая Оксусом или Аму-Дарьей. Туда пойдет Вамбери с вашего разрешения.

— Не шутите, такого разрешения не будет.

— Тогда Вамбери пойдет без разрешения.

— Никогда! — вскричал его друг, — оттуда не возвращаются европейцы. Вы хотите быть разрубленным на куски или повешенным за ноги. Куда вы пойдете — вы хромаете. Чтобы попасть туда, надо пройти сотни верст пути, и какого пути — пески, горы, ямы, терпеть холод и голод. У вас не хватит сил.

— О, — сказал Вамбери, — в Персии мне делать нечего. Я не археолог — развалины меня не занимают. Что касается голода — я голодал пятнадцать лет, это не так мало. Что касается выдержки, то я вскакиваю на лошадь на полном ходу и взбираюсь на верблюда, как акробат. Общество бродяг и разбойников только развлечет меня.

— Но один вы не сделаете и трех шагов.

— А кто вам сказал, что я буду один? Я пойду со своими друзьями.

— Кто же они? Могут ли я видеть их?

— Для этого стоит только подойти к окну.

Гайдар-эфенди взглянул и вздрогнул. Во дворе посольства сидели паломники, возвращавшиеся из Мекки в Центральную Азию. Совершенно истощенные, покрытые грязью и пылью, как загнанные животные, с четками и посохами сидели дервиши.

— С ними, с этими фокусниками и ханжами пойдете вы, Вамбери? Я не допущу этого.

— Увы, господин, я уже решил.

— Я ничего не понимаю, Вамбери. Что вам нужно в Бухаре? Зачем вы ищете плохого и только плохого?

— Дорогой эфенди, я человек науки. Пословица говорит: не входи в дом с дурной дверью. Я хочу войти, я хочу увидеть Бухару. Может всю жизнь я должен был положить именно на то, чтобы попасть в Бухару. Это упорство ученого. Меня не остановит ничто. Почему я пойду с дерви-

шами? Я говорю по-турецки лучше любого турка, профессия этих людей — обман. Я знаю, что простых людей обманывают с одинаковым успехом и в Азии, и в Европе. Эти люди торгуют молитвами и четками и водой из Мекки. Они берут эту воду в любом колодце. С ними легко поэтому ладить. А если я погибну, потеря не очень большая. Родина моя далеко, семьи у меня нет. Поэтому не держите меня, мой друг.

V

Потом к Вамбери заглянул доктор Бимзенштейн. Он был похож на колбу, которой приделали неожиданно ноги. Он трудно дышал и немного заикался.

— Вамбери, я слышал, вы идете в Бухару?

— Да, иду.

— Слушайте, старина, майор Конолли был там...

— Ну, и что же?

— Его голова висит на зубцах эмирской башни. Стодарт пошел по его дороге. Его пробили копьем, как лист картона.

— Были и другие, доктор, были и счастливее этих.

— Да, были... Блоквилль сидел передо мной, как сидите вы, и рассказывал о том, как туркмены жгли ему пятки и ломали руки. Вайсберн — крепкий англичанин — смеялся со мной над опасностями. Спросите ветер, Вамбери, спросите ночь, спросите дорогу, Вамбери, — где Вайсберн? Никто не ответит, потому что никто не знает, что стало с ним.

— Я скромней их, доктор. Я никогда не искал славы мученика. Я пройду незамеченным, как блоха на дереве.

— Незамеченным, Вамбери? Сто глаз будут следить за вами день и ночь. Будете ли вы есть, спать, притворяться молящимся, — сто сторожей будут стоять за вашей спиной. При каждом шаге вы будете наступать на шпиона. В степи, в монастыре, на базаре, на улице стоит одному человеку сказать: «Это френги (европеец)» — и вы погибли. Вы никак не сможете защититься. Дрогнувший взгляд, оступившаяся нога, неверное ударение в слове выдадут вас.

— Все так, доктор, но у меня есть одно, за что я ручаюсь.

— Что же это, Вамбери?

— Сила воли, сила воли, доктор.

— Хорошо, — сказал Бимзенштейн, — тогда накануне вашего пути вы зайдите ко мне.

Была теплая южная ночь. Доктор сидел в своей комнате и курил. В дверь постучали. Он отворил ее и отшатнулся...

— Кто это? — спросил он.

— Не пугайся, эфенди, — ответил человек, — я простой дервиш — Хаджи-Махмуд Решад-эфенди, я иду ко гробу Богаэддина.

Вамбери со смехом бросился в кресло.

Суконный черный колпак стоял на его голове; плащ его оканчивался лохмотьями. Пояс из разноцветных веревок перетягивал стан. За пояс был засунут маленький топор с короткой ручкой. С рук свешивались черные зерна длинных четок.

— Ну, мой друг, я хочу вам сделать маленький подарок...

— Я жду, доктор.

— Здесь три пилюли стрихнина. Когда вы увидите, что все кончено, эти шарики сыграют для вас роль последних друзей.

— Спасибо, — сказал Вамбери, беря шарики и уходя.

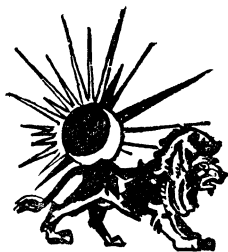
На пороге он остановился и пристально взглянул в лицо доктора.

— Доктор, я думаю, что все же, несмотря ни на что...

Стук двери заглушил его голос и оборвал конец фразы.

Бимзенштейн бросился к двери и распахнул ее.

Никого не было. Одна теплая ночь глядела в глаза доктору.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тише шаг, тише шаг,
Шаг, шаг — тише! —
Так поют пески, —
Засыпая кишлаки —
Стены, окна, крыши.
Звон и гам, гром и гам,
То не ветер бродит —
Караван по городам,
Караван по городам,
Весь гремя, проходит.
Но один в нем человек,
Точно конь и воробей,
Всех быстрее и всех скромней —
Настоящий человек.

I

ЗАД и ВПЕРЕД вдоль каравана разъезжали купцы, кричали и переругивались между выюками. За ними ездили писцы и записывали, как в лавке, заключаемые сделки.

Чиновнику подавали чай на скаку и знатному персу набивали трубку. Он курил в седле так ловко, точно лежал на диване. Тут же на ходу били провинившегося раба. Часть ударов попадала по лошади. Караванный шут становился головой на седло и рассказывал анекдоты.

Так двигался этот странствующий базар, который называется караваном.

Ослы, на которых сидели дервиши, не смели брыкаться и шли с постными мордами. Лошади стражи вставали на дыбы и дико вращали глазами. Верблюды купцов качали шеями, точно подсчитывали барыши.

Дервиши пристраивались как могли. Иные сидели на выюках, держа в руке склянки со священной водой из Мекки. Склянки были сделаны в Европе и, значит, одно прикосновение к ним делало любого мусульманина не-

чистым, но они не думали об этом. Иные шли пешком, иные трусили на собственных ослах.

Дервиши эти были мошенник на мошеннике. При Вамбери в драке одному выбили два зуба, и когда благочестивые персы спрашивали его в дороге, где он потерял их, он отвечал:

— У горы Огод в битве с неверными пророк лишился двух передних зубов. Как же мог я не подражать ему!

И слушатели дарили ему деньги.

К ним приходили люди с больными глазами и просили помощи. Дервиши, приняв подарки, посыпали их глаза грязной землей, якобы привезенной из Мекки. Когда вся земля из этих мешочков, висевших на груди у каждого дервиша, выходила, они наполняли мешочки тут же на месте стоянки новой землей.

Вамбери закусывал губы и бормотал проклятия.

На остановках в селениях хозяева расстилали скатерти на земле и выносили блюда с едой. Грязные руки засовывались в мясо или рис и тащили, сколько могли захватить. Желая уважить товарища, скатывали ему куски жира в комок и предлагали с улыбкой.

Вамбери давился, но ел. С каждым днем ему становилось тяжелее.

Пыльный, обросший волосами, усталый, он глядел и запоминал все проходившее перед ним. Мир, неизвестный европейцу, впустил его в свои владения.

Он смотрел на диковинные вещи. Вот отрядом командует десятилетний перс. У него карманные часы усыпаны рубинами и в шелковом мешочке на груди висит его печать, заменяющая подпись. Он ходит с кнутом и подгоняет слуг и животных. Он говорит проклятия и молитвы, как взрослый. Слуги не смеют поднять на него глаз. Он ведет караван с кунжутным маслом.

— Так вырастают деспоты, — думает Вамбери.

II

Вамбери знал уже всех своих товарищей дервишей по именам. И они знали, что он идет в Бухару, в город, о котором пророк сказал, что всюду с неба видно, как нисходит свет на города, и только от Бухары свет столбом стоит в небо.

Дервиши били себя кнутами, чтобы иметь раны на плечах и на груди.

Они торговали ими, показывая их в городах. Они растравляли порезы на лбу так, чтобы получалась восьмиугольная язва. За это особенно хорошо подавали, потому что это значило, что человек усерден в молитве и, молясь, прижимает свой лоб к восьмиугольному кирпичу.

Вамбери было не до смеха. Среди этих полупомешанных негодяев и бесноватых трудно было притворяться равнодушным. И он пел суры Корана и хватал себя за голову, точно хотел оторвать волосы, и говорил гнусавым голосом, как они, и закатывал глаза. Он от природы имел талант подражания.

В Мешхеде все пошли поклониться в мечеть Имам-Риза. Купол мечети, покрытый золотом, сиял на голубом небе. Стены мечети блистали эмалью. Неграмотные темные люди толпились, задавленные этим тяжелым блеском и плакали и вопили, следя с жадным вниманием за словами мулл.

За прочтение молитв нужно было платить деньги. Один неграмотный скряга подошел к Вамбери.

— Брат, — сказал он, — у меня нет денег, прочти за меня молитвы, а я буду сзади повторять их за тобой.

Вамбери встал в позу и добросовестно отчитывал ему арабские стихи.

Вдруг он услышал, что голос за его спиной говорит как будто не молитву. Он остановился и прислушался.

— Больше пяти дукатов твоя кляча не стоит.

— Клянусь Св. Абасом, ты жулишь. Я сам заплатил за нее двенадцать.

— Не ври, не ври, дорогой...

Вамбери обернулся с притворным гневом, едва подавляя смех.

— О, о, — закричал скряга, — мы немножко отвлеклись от молитвы!

Так, немножко отвлекаясь, молились и прочие паломники у могилы Имама.

Персия кончилась домом у длинного моста и холодной рекой с непонятным именем.

Караван изменился в составе. Присоединились афганцы и люди из Индии.

Вамбери запаршивел. Вамбери кусали насекомые.

Их было столько, что складки одежды шевелились, как живые.

Одежду расстилали над горячей золой, и она трещала точно палка. Если не было огня, одежду кидали на раскаленный песок, и все насекомые переползали наверх. Если не было огня и песка, отыскивали муравейник. Муравьи поедали всех вшей дочиста.

На ночевках кричали, как дьяволы, бухарские ослы.

Они кричали так, точно их поливали горячей смолой.

Лошади бросались в сторону от верблюдов, потому что верблюды наедались жестких колючек и, не получая достаточно воды, пахли, как зачумленные.

Люди садились группами и беседовали у костров.

Персы хвастались сапогами, на подошвах которых было написано имя Омара. Они хотели непрерывно попирать ногами своего врага.

Индусы держались отдельно. Они были поклонники индийского бога Вишну и на ночь расставляли вокруг себя и своих тюков небольшие палочки, соединяя их тонкой веревкой, и считали, что теперь они отгорожены от всех и не могут оскверниться.

Афганцы показывали зарубки на рукоятках кинжалов и прикладах. Сколько было ими убито неприятелей,—каждый мог видеть.

Дервиши плясали в кругу, вопили и просили подаяний. Им бросали остатки пищи и медь.

Вамбери чувствовал, что он сошел с ума.

Когда все засыпали, он начинал упражняться. Он запоминал выражения лиц своих спутников, их улыбки, их гримасы, их жесты. Он учился передразнивать их каждую ночь. Через два месяца его нельзя было отличить от других.

Он наружно растворился в караване.

Все считали его ученым дервишем, идущим в Бухару. Тревога иногда сжимала его плечи. Начинали дрожать руки. Смех звучал фальшиво.

— Неужели,— думал он,— я не вернусь?

И он снова осматривался.

Желтые скалы толпились перед ним. Пыльные кусты выходили из трещин. Бегали широкие ящерицы.

Потом перед караваном раскрылись пески. Они шли во все стороны и нигде не кончались.

Появились кочевники. У них нельзя было отличить мужчин от женщин. У тех и у других были одинаковые шаровары, куртки и рубашки. Те и другие закрывали лицо от песка. Ноги их представляли какие-то колбасы из пару-

сины. Собаки пользовались у них особым почетом. Если у кочевника спрашивали «не продашь ли жену?», он только слабо злился, но если спрашивали «не продашь ли собаку?», он бросался на обидчика с ножом. Это была кровная обида.

За Вамбери шла слава святого хаджи с Запада. Он плясал как никто и читал на стоянках длинные, звучные поэмы.

Все слушали благоговейно.

Туркмены с оттопыренными от бараньих шапок ушами, с косыми глазами соскакивали с маленьких, крепких коней и садились перед ним, прося благословения или позволения дотронуться до его одежды.

Вамбери смотрел на их широкие красные лбы, слушал их странный говор и ничего не смел записывать. Он только смотрел и слушал.

День за днем он только смотрел и слушал. Он стал губкой, которая впитывала все окружающее, как воду. Он думал, что он или ничего не запомнит, или голова его лопнет от множества мыслей.

Кочевники трогали его одежду, его пояс и шептались.

Они приводили жен и детей, и те падали ниц перед Вамбери и простирали к нему руки. Если бы они узнали, что он обманщик, они закопали бы его живого в песок.

III

Однажды их толпу растолкал старик, голова которого была как изрубленный кочан капусты. Караван уже ушел так далеко, что вокруг были только одни пески и небо. Этот старик всю жизнь провел в грабежах и убийствах. Все замолчали. Он протянул жилистую, почти черную руку и заговорил:

— Шейким (мой шейх), почему бы тебе не начать большое дело? Ты святой человек — ты все можешь. Давай нападем на персов. У меня 5000 всадников, молодец к молодцу. Благослови их волей Аллаха, и они пойдут за тобой. Подумай, шейким.

Вамбери не смеялся. Он думал. Он думал о том, что Персия — нищая, разоренная страна, о том, что войско шаха разбежится, как овечий гурт, о том, что европейские авантюристы в Тегеране поддержат его, о том, что туркмены отнимут у персов последнее добро в деревнях и выжгут поля, — а потом что?

Он думал, и все смотрели на него. Солнце закатывалось за их спинами, как громадное колесо войны.

Вамбери повернул лицо к старику. В его руках были жизнь и смерть тысячи людей. Жалкий мальчик, умиравший от голода в Венгрии, мог бросить народ на народ. Глаза его блестели.

— Я слушал тебя, шейх,— слушай и ты меня.

Старик наклонил изрубленную, как кочан, голову.

— Шейх, пока я не окончу обещанного Аллаху пути в святую Бухару, я не могу начать другого дела. Подожди.

— Я подожду,— ответил старик,— я подожду, пока ты вернешься. Воля божьего человека — закон.

И он встал, прошел между рядов, затаивших дыхание, и вскочил на лошадь.

На другой стоянке появился афганец. Черные ремни его одежды пугали детей. Он ступал мягко, как кошка. На первом же ночлеге он устроился около Вамбери.

— Хотя мы сидим криво, но будем говорить прямо. Кто ты? — спросил он без всякого выражения, но глаза его скосились, как у подбитого ястреба.

— Я иду из Стамбула.

— Зачем ты пришел сюда?

— Воля Аллаха движет людьми,— отвечал Вамбери, зная, что он не сможет смотреть прямо на этого человека.

— Видал ли ты когда-нибудь «френги»?

— Я не смотрю на неверных, брат.

— Они смотрели на меня,— закричал афганец,— пусть горы упадут на их головы! Они убили моих братьев и отца в Кандагаре. Почему ты опускаешь глаза, дервиш?

— Если бы ты знал, сколько я терпел от них на своей родине,— медленно сказал Вамбери, взглянув на сросшиеся брови афганца,— ты бы давно ослеп от ярости.

Афганец шумно поднялся и ушел к костру.

На другой день он подъехал к Вамбери и, толкая его осла своим конем, закричал:

— Как тебя зовут, дервиш?

— Хаджи Махмуд-Решад зовут меня.

— А как тебя звали раньше?

— Раньше меня звали мальчиком, потом эфенди, теперь я хаджи, брат.

Афганец усмехнулся углом губ и поднял коня на дыбы.

В тот же вечер Вамбери, застыв в молитве, а на самом деле прислушиваясь, слышал от слова до слова все, что говорил афганец начальнику каравана.

— Керван-баши,— говорил он,— это русский шпион. Он высматривает все дороги, а потом придут русские. Они отнимут у вас жен и детей, но я не дурак. В Бухаре есть эмир, а у эмира есть каленое железо для таких людей.

— Не спеши, друг,— отвечал керван-баши,— сначала убедись в этом.

И они пришли утром убеждаться.

Но Вамбери молился. Он стоял как столб, и глаза его не видели ничего. Он стоял как камень. Губы его шептали что-то.

Афганец, указывая на него, громко повторил керван-баши свои обвинения.

Начальник каравана смотрел на Вамбери. Вамбери слышал все, он чувствовал, что одно движение лица может выдать его.

Он стоял как камень. И начальник каравана отвел афганца, и до уха Вамбери долетел его шепот.

— Я не верю, ты ошибся, афганец. Так не стоят «френги».

IV

Афганец стал ужасом Вамбери. Ничем нельзя было расшатать его уверенность. Он рад был всякому пустяку, чтобы придраться. Увидав у Вамбери одну случайную золотую монету, он подошел и спросил с угрозой:

— Разве ты, дервиш, не принял обета бедности? Или у тебя особые правила на этот счет?

— У меня особые правила,— сказал Вамбери.

— Я хочу знать их.

— Узнай — это не тайна. Золото помогает от желтухи. Я лечу этой монетой от желтухи. На прошлой неделе я исцелил двоих...

Афганец скрежетал зубами. Он был дик, как уступы его родины, и хитер простой хитростью. Здесь он чувствовал себя одураченным. Вамбери казался ему колдуном.

Караван ночевал теперь у колодцев в маленьких жалких рощах, среди громадных песчаных холмов.

Вамбери не спалось. Он повернулся на локте, и холодок пробежал по его спине.

Прямо перед ним лежал афганец и в упор смотрел на него. Но глаза у него были круглые и желтые. Он курил опий и прихлебывал чай. Искры из трубки освещали его лицо. Сейчас он не был человеком. Он обессиленный лежал как тюк.

Вамбери вздрогнул от неожиданной мысли. Он вспомнил о стрихнине. Одна пилюля, брошенная в чашку с чаем, — и этого человека не станет. Человека, который, может быть, завтра убьет его.

Он достал пилюлю и держал ее у края чашки. Афганец ничего не видел, ничего не чувствовал. Руки его дрожали. Он лежал как тюк.

Тогда из облаков вышел молодой месяц. Лучи его упали на руку Вамбери. Жгучий стыд ударил ему в виски. Он отдернул руку и спрятал пилюлю.

И снова тянулись пустынные холмы. Жара убивала животных. Люди стали падать от солнечных ударов. Лихорадка бродила по каравану. Воды не было. Вамбери упал. Глаза его ушли в красные круги, вертевшиеся повсюду. Над ним прыгали дервиши, кричали ослы.

Он приподнимался и стонал. Песок залепил глаза и уши. Горячий песок сыпался на грудь и жег руки.

Над ним наклонился кто-то, и Вамбери услышал запах воды.

Он собрал последние силы и сказал:

— Пить, дайте пить!

Первый раз за все время он не помнил, на каком языке он сказал. Это было так страшно, что он сразу пришел в себя. Над ним стоял с кувшином воды афганец. Все его лицо кривилось усмешкой.

«Что я сказал? — подумал Вамбери. — Это конец».

— Пей, — проговорил афганец, наклоняя кувшин, — в Бухаре ты уже не будешь пить, дервиш.

В эту минуту караван пришел в смятение. Люди, вьюки и животные смешались. Просвистали пули, две стрелы упали у ног Вамбери. Шум все рос.

— Нападение! — кричали со всех сторон, — кладите верблюдов!

Отдельные всадники выскакивали из толпы и скакали навстречу разбойникам. Их легко отбили после небольшой стычки.

Потом все встали в круг. Посередине круга положили трех убитых.

Вамбери подошел с толпой дервишей. Прямо перед ним лежал афганец. Струя крови выбегала изо рта. Вамбери отвернулся.

Через неделю караван вошел в Бухару.

V

Вамбери сидел на ковре в одном из караван-сараев у дворцовой площади — Регистана — и смотрел вокруг усталыми глазами. Цель была достигнута.

До всего запретного можно было касаться.

Он видел дворец эмира, одиннадцать ворот Бухары, закрытых для европейца, канал Шахруд с зеленой водой, пересекающий город, Меджид-Каян — мечеть с голубой головой и зелеными стенами.

Вот Мирхараб — башня из жженого кирпича, откуда сбрасывают преступников. Его не сбросили. Вот двор пыток, где его не пытали, вот рынок невольников, где он не был продан в рабство.

Все окружавшие его люди считали его своим. Перед ним они занимались своими обычными делами: пилили токари, жарили мясо у мясника, публичный писец писал под диктовку закутанной женщине любовное письмо, цирюльник плевал на щеки клиента, сбрасывая с пальцев мыльную пену на спину уличной собаке, оружейник стучал по клинку, крича о добротности сабли.

Все вертелось как колесо, делающее одни и те же повороты.

В ту же ночь Вамбери приснилось, что он мальчиком сидит на пустыре в Дуна-Сердагели и перед ним одноногий инвалид. Инвалид говорит ему: «О, ты хочешь знать все языки... это недурно».

Вамбери посетил бухарского ученого. Ученый принял его как брата. Он дал ему чаю и трубку с лучшим табаком.

— Пей больше, хаджи,— советовал он ему,— кури больше, хаджи. Чай расширяет наши жилы и разжижает кровь, а табак освежает голову и мозг.

Сам ученый не курил — у него на поясе висела маленькая тыква, набитая буро-желтым табаком. Он запускал в нее руку, набирал табак и всовывал в рот между языком и небом и потом выплевывал. Табачные брызги летели в лицо Вамбери, но он не замечал их.

Он держал в руках рукописи, драгоценные пожелтевшие страницы, исписанные черными и красными буквами, горбившимися, как кошки и птицы. Таких рукописей не было ни у кого в Европе.

— Хаджи,— говорил ученый, сплевывая табак через плечо Вамбери,— ты очень любишь книги?

— Очень люблю.

— Я тоже — они совсем живые, хаджи. И потом они все знают. Ты еще придешь к нам, хаджи?

— Приду,— отвечал Вамбери,— я еще не раз приду.

— Ты принеси мне из Стамбула что-нибудь тогда из книг. Принеси мне Саадэддина и других, хаджи.

Вамбери вспомнил, как перед отъездом в Персию один доктор просил его привезти из Азии несколько татарских черепов, чтобы сравнить их с мадьярскими, и как ему возразили:

— Пожелаем лучше нашему другу привезти в целости свой собственный череп.

— Я принесу,— сказал он.

— А любит хаджи стихи? — допытывался ученый.

— Больше, чем свет дня,— отвечал Вамбери.

— Это хорошо. Как сказано у Гафиза: за одно родимое пятно красавицы можно отдать два персидских города. Это очень верно, хаджи.

VI

И он заплевался табаком так, что стал кашлять.

Потом Вамбери был у гробницы Богаэддина и плясал и кричал с дервишами до утра. Как его ноги выдерживали эту пляску, он и сам не знал. Но страх смерти стоял здесь ближе, чем где бы то ни было.

Он видел эмира, толстую золотую куклу. Эмир опирался на саблю и тряс бородой.

Перед приемом у эмира один из его придворных взял Вамбери за затылок и сказал в сторону:

— К несчастью, я забыл сегодня свой нож дома...

Что он хотел этим сказать, Вамбери не узнал никогда. Он стоял как дерево. Его можно было резать, и он не закричал бы.

Он видел самаркандские сады и зеленый камень Тамерлана.

Потом он ушел из Бухары. Перед выступлением в пустыню сделали оракул из палок и камней и гадали на нем.

Толкования Вамбери были лучше всех. Ему принесли подарки.

Когда же караван окружили страшные пески Адам-Крылгана, что значит «место, где погиб человек», — необозримые горы песку, разбитые бурями белеющие кости между ними, Вамбери сразу повеселел.

С каждым шагом обратного пути у него становилось легче на душе. На стоянках он наблюдал странную жизнь.

Богатый туркмен сидел с широко раскрытым ртом. Его раб затягивался дымом крепчайшего табака и, удерживая самую острую часть дыма, полной грудью вдувал остаток в горло своего господина. Это было дико и смешно.

Иногда невольник лукавил, и туркмен получал достаточную порцию яда. Тогда глаза его вылезали на лоб, и он хватался за плетку.

Вамбери пил чай, приправленный салом и солью, и он ему очень нравился после тяжелого перехода.

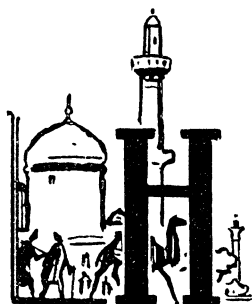
Он видел людей, обмывавшихся песком, и сам мылся песком. Никто не может сказать, что он узнал быт Азии за письменным столом. Он был пропитан им, как его одежда запахом верблюда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кто это там,
Кто это там,
Кто это там?
Спросил барабан:
Кто пришел в наш край?
— Гость пришел из диких стран —
Друга старого встречай —
Так ответил караван,
Караван-сарай:
— Что ты там ни говори,
Он вернулся в Тегеран —
Он зовется Вамбери,
Вамбери, Вамбери.

I

НАЧИНАЛСЯ Афганистан. Тянулись обнаженные скалы и черные ущелья. В Афганистане дело дервишей было плохо. Афганские пастухи в полотняных плащах, с длинными ружьями вместо посохов, и купцы, носившие на себе целый арсенал, не хотели знать никакой святости. Они злобно смеялись и бросали камни.

Шпионы шныряли вокруг отряда. Особенно им не нравились Вамбери. Они крались за ним по пятам, и если он открывал их, то набрасывались и били. Есть было почти нечего. Холод пронизывал до костей.

Вамбери вспоминал молодость и улицу Трех Барабанов и ту же стягивал пояс.

В холодный день они пришли в Герат.

Город «ста тысяч садов» напоил его самой лучшей водой в Азии.

В садах можно было есть сколько угодно фруктов. Посетителей взвешивали при входе в сад и при выходе. Плата взималась с разницы в весе.

Сын афганского эмира Якуб-хан сидел в своем дворце и смотрел на площадь, где происходил парад. Прямо перед его окном играли музыканты. Толпа дервишей стояла в своих лохмотьях поодаль. Между ними был человек с диким и упрямым лицом.

Он отбивал такт ногой.

— Это европеец,— сказал Якуб-хан,— никто в Азии не делает так, слушая музыку.— И он позвал его к себе.

И он говорил с ним долго о разных святых местах, о науке дервишей, об Афганистане — что это улей, где есть пчелы, но нет меда,— потом дотронулся рукой до плеча Вамбери и сказал, понизив голос:

— Ты ученый, хаджи. Ты много учений всех хаджи, кого я видел. Ты френги.

Вамбери понял, что этот человек видит его насквозь. Делать было нечего.

Он сказал:

— Нет.

Якуб-хан откинулся назад и задумался.

— Нет?... пусть будет так. Я не хочу тебя губить. Иди с миром. Я ошибся.

Вамбери не помнил, как он вышел из дворца, как он ушел из Герата.

Он мерз по ночам, и афганцы не скрывали своего злорадства.

Он походил теперь на грязный мешок, в котором стучали кости.

Однажды он приподнялся в седле и засмеялся.

Он смеялся беззвучно и трясся всем телом. Перед ним были темные глиняные стены Мешхеда. Он вернулся в Персию.

II

Проезжая по дорогам Персии, Вамбери чувствовал себя вновь родившимся: тут он мог выпрямиться, говорить каким угодно голосом, есть, что хочет.

Он громко запел веселую итальянскую песню.

Узбек, его спутник, поразился необычайной переменой. Дервиш с Запада на его глазах стал другим человеком.

Наивному кочевнику было очень приятно такое просветление. Все люди равно любят радость.

— Ты говоришь на чудном языке, дервиш,— сказал он.— Я не понимаю ни одного слова. Но это язык ангелов. Это молитвы?

— Конечно, молитвы,— отвечал Вамбери,— это особая молитва на хороший случай. Подпевай, и ты устроишь спасение своей души.

Песни становились все легкомысленней. Узбек подпевал как мог. Пот градом катился с него, но он не хотел пропустить случая помолиться на чудном языке.

В одном селении, проснувшись утром, они услышали однообразный звук трубы.

— Что это? — спросил узбек, не знавший Персии.

— Это зовут в баню,— сказал Вамбери,— идем.

Они пошли в баню. Перед баней лежал конский навоз. Стены раздевальной были покрыты картинами битв эпоса Фирдуси, а вокруг лежала грязная одежда. В соседнем помещении они нашли маленький бассейн, полный теплой воды, где сидело десять человек сразу. Вамбери мылся и радовался теплой воде, как ребенок.

В третьей комнате им предложили выкраситься хной. Этой краской красили бороду, подошвы, ладони и ногти, и они становились красными.

Выйдя из бани, Вамбери громко смеялся.

— Чему ты смеешься? — спросил узбек.

— Я смеюсь мудрости. Ты знаешь, узбек, что дервиши должны держаться собачьих правил — всегда голодать, довольствоваться самыми неудобными местами, проводить ночи без сна...

— Я не знал этого,— сказал узбек.

— И все это я делал до сих пор — я был хорошей грязной собакой. А теперь, черт возьми, я вернулся в человеческую шкуру, мой друг,— закончил он по-венгерски.

Потом они зашли в школу.

Увидев дервиша, малыши обступили его со всех сторон.

— Вы знаете географию?

— Знаем,— ответили они.

— Ну, скажите, во сколько времени можно обойти всю землю?

— В пятьсот лет,— хором ответили они.

— На чем стоит земля? — спросил он еще.

— На ангеле.

— А ангел на чем?

- На скале.
- А скала?
- На быке.
- А бык на чем?
- На рыбе.
- А рыба на чем?

Тут никто из них не мог ответить. Но один закричал.

— Я знаю. Рыба стоит опять на ангеле.

В другом городе Вамбери увидел у караван-сарая европейца-путешественника.

Он был одет с иголки и блестел, как новый наперсток. Ругался он по-шведски очень сильными словами:

— Как сказать этим ослам, что они упаковали мой багаж не так, как нужно?

Смущенные персы, не понимая, чего он хочет от них, молчали.

Вамбери подошел к европейцу и сказал по-шведски:

— Вы ошибаетесь, сударь, такой вид упаковки самый лучший. Ему тысяча с небольшим лет. Он проверен на опыте.

Швед забыл закрыть рот от удивления.

Наконец, он пролепетал:

— Кто вы такой?

— Я дервиш, сударь, и не более того. Но я знаю все языки мира.

И он прочел шведу два стиха из саги о Фритьофе.

Швед отскочил от него в ужасе.

— Видишь теперь,— сказал Вамбери узбеку,— Аллах дает дервишам великую власть слова.

— Вижу,— сказал узбек,— но Аллах очень высоко, а наше дело маленькое. Поедем дальше, дервиш.

Так они приехали через месяц в Тегеран.

III

Худой, черный как уголь, обросший волосами, со шрамами на руках и ногах, Вамбери вошел в турецкое посольство.

Друзья окружили его с удивлением и радостью. Поднялась суматоха. Люди обнимали его и расспрашивали о путешествии; любопытные толкались, чтобы одним взглядом взглянуть на человека, который отважно прошел

столько тысяч верст по нелюдимым местам. Ему предлагали деньги и дружбу.

Вамбери стал героем города.

Европейцы устраивали обед за обедом в честь его. Целый месяц Вамбери не обедал дома.

Перед отъездом в Европу он зашел посидеть с Гайдар-эфенди.

Они засиделись за полночь. Турок спросил его:

— Ну, а теперь скажите: нашли ли вы то, что искали, Вамбери?

— Нет,— ответил Вамбери,— я не нашел, и сейчас скажу почему. С детства я хотел узнать как можно больше языков и людей. Я узнал. Я хотел найти в Азии старых мадьяр, о которых живо предание в Венгрии. Я искал их и не нашел. Что делать!.. Никто мне не заплатил за мои лишения и седые волосы. Но у меня душа исследователя.

— А почему, Вамбери, вы вернулись живым,— вы не думали об этом?

— Думал,— сказал Вамбери.— Я вернулся живым потому, что пошел с чистым сердцем к диким народам, привыкшим видеть нож даже в руке друга. Если бы я хитрил из корысти и шпионил в самом деле, я попался бы. Но я мог смотреть в глаза этим людям, и в этом была моя сила.

— Теперь вы видели Восток и видели Запад, Вамбери. Что они такое?

— Я скажу вам. Я любил Азию давно и издалека. Может быть, потому, что мне плохо жилось дома. Но чем дальше я входил в Азию, я находил там однообразие и лень. Это в Турции и Персии. Средняя Азия старше их на восемьсот лет. И Средняя Азия — склеп. Я с радостью вырвался оттуда. Там только рабы и деспоты. Нищета и пустыня. Подождем лучших времен. Запад полон людей хитрых и сильных. Они любят золото и кровь еще сильнее, чем азиаты. И они уже идут. Англичане заняли Кандагар,— русские подходят к Хиве. Когда-нибудь они встретятся. Я думаю, что через сто лет из Венгрии можно будет поездом проехать в города, где я дрожал от страха смерти. Я пойду спать, эфенди.

... Перед отъездом Вамбери зашел к доктору Бимзенштейну.

— Доктор,— сказал он, стоя в аптеке Бимзенштейна,— я должен вам вернуть обратно ваш подарок.

И он протянул Бимзенштейну три пилюли стрихнина.

— Вспомните, вспомните, пожалуйста, что вы хотели сказать мне, когда приходили ко мне перед путешествием ночью,— закричал доктор,— я не слышал конца фразы.

— Я могу закончить сейчас, и пусть это будет к слову. Я крикнул вам тогда: доктор, я думаю, что все же, несмотря ни на что, жизнь — хорошая штука!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Глава первая	3
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	38

Николай Семенович Тихонов

ВАМБЕРИ

Редактор *С. Н. Кумкес*
Художественный редактор *Т. И. Алексеева*
Технический редактор *Е. Асманов*
Корректор *Е. Б. Сницарева*

Т-07795. Сдано в производство 28/VI 1957 г. Подписано в печ.
7 IX—57 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Физических листов 1,5.
Печ. л. 2,46. Издательских листов 2,02. Тираж 125 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ № 720.

Москва В-71, Б. Калужская 15, Географгиз
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза. Москва, Ж-54,
Валовая, 28.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия

„Путешествия. Приключения. Фантастика“

Вышли в свет:

А. Конан-Дойль. Маракотова бездна, 1957, цена 1 р. 35 к.

Д. Корбетт. Кумаонские людоеды, 1957, цена 3 р. 20 к.

В. Ровинский. Мятежный корабль, 1957, цена 2 р. 80 к.

Готовится к печати:

Ю. Давыдов. Южный крест

Д. Лондон. Путешествие на „Снарке“

К. Майтингер. Охота за головами на Соломоновых островах

Г. Мелвилль. Тайпи

М. Пашек. Ловцы жемчуга

Ф. Проспери. На лунных островах

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вышли в свет:

Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг., 1956, 456 стр., цена 19 руб.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы, 1956, 528 стр., цена 12 руб.

Давид Ливингстон. Путешествия и исследования в Южной Африке, 1956, 392 стр., цена 8 р. 85 к.

Давид Ливингстон, Чарлз Ливингстон. Путешествие по Замбези, 1956, 384 стр., цена 8 р. 65 к.

Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия на Берег Маклая, 1956, 416 стр., цена 9 р. 45 к.

Фритьоф Нансен. „Фрам“ в Полярном море, ч. I, 1956, 368 стр., цена 9 р. 65 к.

Фритьоф Нансен. „Фрам“ в Полярном море, ч. II, 1956, 352 стр., цена 9 р. 65 к.

Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева, 1956, 216 стр., цена 9 руб.

Книга Марко Поло, 1956, 376 стр., цена 9 р. 40 к.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика, 1957, 272 стр., цена 7 р. 40 к.

Последняя экспедиция Р. Скотта, 1955, 408 стр., цена 9 р. 55 к.

Э. Шеклтон. В сердце Антарктики, 1957, 448 стр., цена 16 р. 10 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия

„Замечательные географы и путешественники“

Вышли в свет:

- А. Варшавский. Лаперуз, 1957, цена 90 коп.
Е. И. Вязов. Руал Амундсен, 1955, цена 60 коп.
Е. И. Вязов. Васко да Гама, 1956, цена 60 коп.
Ю. Давыдов. Джон Франклин, 1956, цена 75 коп.
И. Забелин. Чокан Валиханов, 1956, цена 80 коп.
Г. В. Карпов. Адольф Эрик Норденшельд, 1955, цена 65 коп.
Г. В. Карпов. Роберт Пири, 1956, цена 50 коп.
Г. В. Карпов. Чарлз Дарвин, 1957, цена 70 коп.
Н. А. Лебедева и Н. К. Лебедев, Элизе Реклю, 1956,
цена 60 коп.
Н. И. Леонов. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, 1957, цена 75 коп.
И. П. Магидович. Христофор Колумб, 1956, цена 55 коп.
В. М. Пасецкий, Виллем Баренц, 1956, цена 60 коп.
В. М. Пасецкий, Джордж де-Лонг, 1957, цена 70 коп.
Я. М. Свет. Фернандо Магеллан. 1956, цена 60 коп.
А. Ф. Трешников и В. М. Пасецкий. Соломон Андрэ,
1957, цена 70 коп.

60 коп.